

Иногда свет приходит не сразу. Он учится ждать — вместе с нами.

МЕДЛЕННЫЙ
СВЕТ

Вивьен Нуар

Роман
о выборе, который
меняет тишину внутри

Продолжение романа
«Аромат незабудки»

Вивьен Нуар

Медленный свет

<https://litres.ru/74017121>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли полюбить человека, которого почти не знаешь? Можно ли тосковать по тому, кто, может быть, уже забыл твоё имя?

Тамара не задаёт себе этих вопросов. Она просто едет в Петербург, находит книгу стихов и возвращается домой.

А потом наступает октябрь.

Продолжение романа «Аромат забывки»

Содержание

Глава 1. Платье	4
Глава 2. Митины сборы	10
Глава 3. Даша	15
Глава 4. Сапсан	19
Глава 5. Старый отель	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Медленный свет

Глава 1. Платье

Чемодан я достала с антресолей в воскресенье вечером.

Он был тот самый — тёмно-синий, на колёсиках, с немного расхлябанной ручкой. Последний раз выезжал лет восемь назад, в Казань, на конференцию. Тогда я упаковала его за двадцать минут: три блузки, брюки, деловой пиджак, зарядка для телефона, зонт. Приехала, выступила с докладом, вернулась. Ничего лишнего.

Сейчас я стояла перед открытым шкафом и думала: что надевают в Петербург в мае?

Не в командировку. Просто — в Петербург. Гулять. Смотреть. Быть.

Это было труднее, чем казалось.

Я перебирала вещи методично, вешалка за вешалкой. Вот блузка голубая — хорошая, но офисная. Вот юбка серая — правильная, но скучная. Вот кофта тёмно-бордовая, которую я купила три года назад и надевала от силы дважды. Вот джинсы — нет, джинсы я не ношу, это уже устойчивый факт о себе.

Шкаф был полон вещами. Надеть было нечего.

Интересное наблюдение.

* * *

Люда позвонила в половине восьмого.

— Ты уже собираешься?

— Стою перед шкафом.

— И?

— И он пустой, — сказала я. — При том, что он не пустой.

Короткое молчание. Люда хорошо умеет молчать — не пустым молчанием, а таким, которое думает.

— Ты когда последний раз покупала что-нибудь для себя?
— спросила она. — Не подарок, не «по случаю». Себе.

Я думала.

— В том году купила зонт.

— Тамара.

— Хороший зонт. Автомат.

— Это не считается. — Пауза. — В субботу идём за платьем.

— Люда, мне не нужно платье.

— Откуда ты знаешь? Ты его ещё не видела.

— Я в смысле — зачем платье в Петербург. Там будут музеи, Нева, ветер, по набережным ходить...

— Именно, — сказала Люда. — Именно за этим. В субботу, в десять. Я заеду.

И положила трубку.

* * *

Алина позвонила на следующий день.

Это само по себе было необычно — она обычно пишет сообщение, звонит редко. Я взяла трубку с лёгким удивлением.

— Тамара Ивановна, добрый день. Не отвлекаю?

— Нет, Алиночка. Всё в порядке?

— Да, у нас всё хорошо. — Небольшая пауза. — Я хотела спросить... Гена сказал, вы собираетесь в Петербург на следующей неделе. Поезд в четверг?

— Да, «Сапсан» в полдень.

— Вы уже всё собрали?

Вот это вопрос.

— Почти, — сказала я.

— Тамара Ивановна, — она снова сделала паузу, и в этой паузе было что-то осторожное, как будто нащупывала, куда поставить ногу, чтобы не провалиться. — Я на прошлой неделе была в «Меандре» — знаете, это магазин на Большой Ордынке — там привезли летнюю коллекцию. И там было платье. Я подумала... вы знаете, я не лезу, конечно, но оно было такого цвета, знаете, как... как тот синий флакон, который вы купили весной.

Молчание. Моё.

— Ты видела флакон? — спросила я наконец.

— Он стоит у вас на подоконнике, — сказала Алина просто. — Я заметила в прошлый раз, когда приезжали. Рядом с башней Сонечки.

Она заметила. Конечно — она всё замечает.

— Это просто хороший аромат, — сказала я.

— Конечно, — согласилась Алина немедленно и без интонации. — Так вот, платье — там есть приталенный крой,

длина миди, очень приличное. Я могу скинуть адрес магазина, если хотите.

— Скинь, — сказала я после секунды. — Спасибо, Алиночка.

— Удачных сборов.

* * *

В субботу Люда приехала в десять ровно.

В руке — кофе навынос, два стакана. Один протянула мне в дверях, не объясняя.

— Пошли, — сказала она.

— Ты хоть зайди.

— Зайдём потом. Сначала платье, потом чай.

Мы поехали на Большую Ордынку. Адрес, который прислала Алина, привёл нас к небольшому магазину с широкой витриной — там стояли два манекена в летних вещах, и был какой-то особенный порядок в витрине, не кричащий, не торговый, просто — приятный глазу.

— Неплохо, — сказала Люда, оглядываясь у входа.

Мы вошли.

Продавщица — немолодая женщина, вежливая и без навязчивости — кивнула нам и не подошла. Это было правильно.

Я шла между рядами. Трогала рукава. Смотрела на цвета. Обычно в магазинах я хожу быстро, с конкретной целью: нужна такая вещь, вот она, беру, ухожу. Сейчас торопиться было некуда.

Странное ощущение — и хорошее.

Платье я нашла не сразу.

Оно висело чуть в стороне от других, как будто само по себе. Синее — не тёмное и не яркое, такой тихий синий, который бывает у вечернего неба перед самыми сумерками. При- таленный крой, длина до середины икры. Простое, без лиш- него.

Я взяла с вешалки. Подержала.

— Это оно, — сказала Люда у меня за плечом.

— Ты ещё не видела, как сидит.

— Видела. Примерь — и убедишься.

Примерочная была маленькая, с хорошим зеркалом. Я за- стегнула молнию. Посмотрела.

Вот так.

Не то что — красавица. Но другая. Не женщина в офис- ной блузке, не женщина в правильных брюках, не женщина, которая собирается на работу, с работы, по делу. Просто — я. В синем платье. В мае.

За занавеской голос Люды:

— Ну?

Я отдёрнула занавеску.

Люда смотрела. Молчала секунду.

— Берём, — сказала она.

— Ты не спросила, нравится ли мне.

— Нравится. Я вижу.

Умеет читать, ничего не скажешь.

— Ладно, — сказала я. — Берём.

* * *

Уже дома, когда пили чай и платье висело на спинке стула

— аккуратно, в пакете, — Люда сказала:

— Алина подсказала, где магазин?

— Да.

— Хм. — Люда поставила чашку. — Значит, она заметила что-то.

— Что именно?

— Что ты меняешься. — Пауза. — Тамара, она умная женщина. Ты это давно знала, просто не хотела признавать.

— Я признавала.

— С декабря признаёшь. Раньше — терпела.

Я посмотрела на неё. Люда смотрела на меня спокойно, без осуждения — просто констатировала.

— Ладно, — сказала я. — Пусть с декабря.

— И это уже хорошо, — сказала Люда. — Ещё чай?

— Налей.

Глава 2. Митины сборы

Звонок от Гены зазвонил в среду утром.

Я в тот момент укладывала в чемодан синее платье — аккуратно, переложив бумагой, чтобы не смялось. Телефон дрогнул на столе. Гена.

— Мам, привет. Как дела?

— Хорошо. Собираюсь.

— Да, завтра же «Сапсан». — Голос у него был немного особенный. Я эту особенность знала — так говорят, когда ещё не перешли к главному. — Слушай, мам, я хотел спросить. Митя на следующей неделе едет на сборы, спортивные. Плавание у него. Три дня, в Подмосковье.

— Я помню, ты говорил.

— Ну да. Мы с Алиной немного в запарке — у неё в понедельник большая презентация, я объект сдаю. И у нас как-то... В общем, Митя не собран ещё. Я думал — может, ты бы заехала, помогла ему? Ты понимаешь эти дела — список вещей, плавки, полотенца, всё такое.

Вот оно.

Я стояла и держала телефон, и смотрела на открытый чемодан.

Синее платье лежало внутри. Завтра в полдень — «Сапсан».

— Гена, — сказала я.

— А?

— Я завтра уезжаю.

— Ну да, я знаю. Я имею в виду — сегодня. Или, может, попросить Митю к тебе приехать?

— Гена. — Я подождала секунду. — Митин список вещей для сборов — его мама знает лучше, чем я. Или тренер. У них должен быть список от тренера.

— Ну есть, конечно. Просто хотел, чтобы кто-то проконтролировал, понимаешь? Митя сам не соберётся, он забудет половину.

— Алина не забудет. Ты не забудешь.

Молчание.

— Мам, ты сейчас занята?

— Да, Гена. Я собираюсь в Петербург.

Ещё молчание. Более долгое.

— Ладно, — сказал он наконец. — Понял. — Голос не обиженный — скорее удивлённый. Как будто я сказала что-то неожиданное, хотя и логичное. — Разберёмся сами.

— Разберётся, — согласилась я. — Пусть Митя хорошо съездит. Поговори с ним, он умный мальчик — соберётся.

— Да. Конечно. — Пауза. — Ты там звони, если что.

— Позвоню.

* * *

Я положила телефон. Вернулась к чемодану.

Продолжила складывать.

Платье. Кардиган — серый, тёплый, в Петербурге в мае

бывает холодно. Два свитера. Туфли и удобные ботинки на плоской подошве — по набережным ходить. Зонт, конечно. Книга — взяла с полки томик Ахматовой, показалось правильным для Петербурга.

Синий флакон я тоже положила. Подумала — и положила. Он маленький, почти невесомый. Уместится.

Зачем, — спросила я себя. — Ты везёшь в Петербург духи, которые пахнут женщиной, которую ты никогда не знала.

Не ответила себе. Просто закрыла чемодан.

* * *

Вечером позвонила Сонечка.

Точнее — позвонила Оля, но Сонечка немедленно перехватила трубку.

— Бабушка! Бабушка, ты завтра уезжаешь?

— Завтра.

— Я помню. Ты обещала открытку.

— Помню.

— Привези мне открытку. Знаешь, какую? — Она сделала паузу, и в этой паузе было что-то торжественное — как перед важным объявлением. — Про любовь. Чтобы там было написано про любовь. Или нарисовано. Или — и написано, и нарисовано.

Что-то сжалось — не больно, просто — сжалось. Как бывает, когда слово попадает не туда, куда его ждёшь.

— Хорошо, Сонечка, — сказала я. — Привезу.

— Бабушка, а ты знаешь, что такое любовь?

— Соня! — Это Оля, фоном. — Не задавай бабушке такие вопросы.

— Почему? — искренне удивилась Сонечка. — Это интересный вопрос.

— Знаю, — сказала я.

— Расскажи.

— Это для разговора вживую. Когда вернусь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она, кажется, осталась довольна. Передала трубку Оле. Оля сказала: вы не обращайте внимания, она у нас такая — всё время с вопросами. Я сказала: это хорошо, это очень хорошо. Попрощались.

Я поставила телефон на зарядку. Прошла к окну.

Про любовь.

Открытку найти несложно. А вот что отвечать — непонятно.

Что такое любовь в шестьдесят лет? Не то что в сорок. И не то, что в двадцать. Что-то другое. Что-то, у чего ещё нет правильного названия — во всяком случае, у меня.

За окном был тихий майский вечер. Двор, фонари, лавочка — на ней сидели двое: пожилой мужчина и мальчик лет десяти, вероятно, внук. Мальчик что-то рассказывал, мужчина слушал.

Я смотрела на них долго.

Потом пошла спать.

Засыпала медленно — Сонечкин вопрос кружился где-то рядом и не давал провалиться в тишину быстро.

Глава 3. Даша

Гена перезвонил в четверг утром — я уже надевала пальто.

Чемодан стоял у двери. Такси заказано на одиннадцать. «Сапсан» в полдень, нужно прибыть заранее — я не умею опаздывать, даже когда никуда не спешу.

— Мам, привет. Ты уже едешь?

— Через час.

— Хорошо. Я просто хотел сказать — Митя собрался. Сам, почти. Алина список распечатала, и он сам собрал. Только очки для плавания забыл, но я заметил.

— Хорошо, Гена.

— Ты была права. — Пауза, в которой он, кажется, что-то ещё обдумывал. — Мам, ещё одно. Ты помнишь, Даша хотела к тебе в эту пятницу? Ночевать.

— Помню. Мы договаривались.

— Ну вот. Она теперь не хочет. Не потому, что что-то случилось, — добавил он быстро. — Просто у бабушки Тани — мамы Алины — появился котёнок. Новый. Две недели как. И Даша хочет туда. Говорит: там котёнок, и он маленький, и его надо гладить.

Вот так.

— Понятно, — сказала я.

— Ты не обижаешься?

Хороший вопрос, Гена. Обижаясь ли я?

Я подождала секунду. Нечестно отвечать быстро — на такие вещи нужно отвечать честно.

— Немного, — сказала я. — Но это моё. Не Дашино. Она семилетний ребёнок, и там есть котёнок.

— Мам...

— Гена, всё хорошо. Пусть едет к котёнку. Когда вернусь — она ко мне приедет.

— Ты точно не обижаешься?

— Я точно еду в Петербург, — сказала я. — Поезд ждать не будет. Всё хорошо, правда.

Мы попрощались. Я убрала телефон.

* * *

Такси пришло в одиннадцать ровно — как заказывала. Шофёр помог погрузить чемодан, ни слова лишнего, это было правильно: когда едешь на вокзал, не всегда хочется разговаривать. Хочется смотреть в окно, как едет Москва.

Я смотрела.

Арбат. Садовое кольцо. Река мелькнула — серебристая, майская. Потом трасса, мост, и вот уже Ленинградский вокзал, красный кирпич, гул людей, запах вагонов и кофе из ларьков одновременно.

Я люблю вокзалы. Всегда любила — это место, где люди движутся, и каждое движение куда-то. Никто не стоит просто так.

Я тоже — куда-то.

— Тамара!

Люда стояла у третьего пути. В пальто, с чемоданом, с двумя стаканами кофе навынос. Она всегда берёт кофе — как будто кофе делает всё официальным.

— Вот, — сказала она, протягивая стакан.

— Спасибо.

— Ну как — собралась? Не забыла шерстяные носки в ручную кладь?

— Люда.

— Шучу. — Она улыбнулась. Взяла мой чемодан за ручку.

— Пойдём, нам во второй вагон.

Мы пошли вдоль перрона.

Всё-таки — немного. Немного обидно — не на Дашу, конечно. На что именно — не очень понятно. На то, что котёнок у другой бабушки интереснее, чем всё то, что я могу предложить? На то, что пока я была нужна — стояла наготове, а теперь, когда уехала, оказалось — можно и без меня?

Глупо. Котёнок — это котёнок. Там живая тёплая маленькая вещь, которую надо гладить. Ни один разговор с бабушкой это не перевесит.

Просто иногда хочется — быть тем самым котёнком. Чтобы к тебе — потому что хочется, а не потому, что так положено.

— Тамара, ты думаешь о чём-то, — сказала Люда у вагонной двери.

— Немного.

— О плохом?

— Нет. О котях.

Она посмотрела на меня с тем выражением, которое означает: я не буду спрашивать сейчас, но потом расскажешь.

— Садись, — сказала она. — Четыре часа до Петербурга.

Я поставила чемодан в накопитель. Нашла своё место. Поезд мягко двинулся.

Едем.

Глава 4. Сапсан

«Сапсан» идёт четыре часа.

Я смотрела в окно.

За окном природа разворачивалась — правильная, майская, зелёная. Поля, перелески, маленькие станции, где поезд не останавливается. Иногда дом одинокий в полях — кто там живёт, как живёт, хорошо ли.

На соседнем сиденье напротив ехала женщина — лет пятидесяти, в тёмном жакете, с планшетом. Работала. Листала что-то, делала пометки. Потом вдруг подняла взгляд — посмотрела в окно, не на меня. Просто — в поля. Несколько секунд. Потом вернулась к планшету.

Интересно — что она увидела за эти несколько секунд? Или ничего не увидела — просто дала глазам отдохнуть?

Год назад я бы тоже ехала с планшетом.

— Тамара, — сказала Люда через сорок минут. — Ты будешь смотреть в окно четыре часа?

— Может, да. Там интересно.

— Там поля.

— Красивые.

Она вздохнула — не раздражённо, а с той интонацией, которую я знаю сорок лет: ты опять делаешь что-то не так, как все, и я давно перестала удивляться.

— Ладно, — сказала Люда. — Тогда я читаю.

Она достала телефон. Я продолжила смотреть в окно.

Мы так и ехали некоторое время — она читала, я смотрела. Как-то само собой молчание стало уютным, как бывает только с очень старым другом, которому не нужно заполнять тишину.

Потом Люда отложила телефон.

— Про котят расскажешь?

— Даша не поедет ко мне ночевать. У бабушки Тани котёнок.

— А. — Люда помолчала. — Это больно?

— Немного.

— Ты ей позвонила? Дашке.

— Нет. Зачем?

— Просто так. Поговорить.

— Люда, ей семь лет. Котёнок победит разговор с бабушкой при любом раскладе. Это закон природы.

— Это правда, — согласилась Люда. — Но ты расстроилась.

— Немного, — повторила я. — И перестала.

— Быстро.

— Мне в Петербург ехать. Некогда долго расстраиваться.

Люда смотрела на меня. Потом улыбнулась — по-настоящему, не иронически.

— Знаешь, — сказала она, — вот это мне нравится в тебе последние месяцы.

— Что именно?

— То, что ты стала расстраиваться и перестала. Раньше ты вообще не расстраивалась — то есть расстраивалась внутри, но снаружи — нет. Всё хорошо, всё нормально, мне не надо ничего особенного.

Я молчала.

— А теперь — немного больно, и говоришь об этом. И перестаёшь. Это честнее.

— Люда, ты философствуешь.

— Нет. Я наблюдаю.

За окном промелькнул маленький город — красные крыши, белые церкви, рынок на площади. Промелькнул и ушёл.

— Я Сонечке обещала открытку, — сказала я.

— Я слышала. Про любовь.

— Откуда ты знаешь?

— Оля говорила. — Пауза. — Что будешь ей отвечать?

На вопрос про любовь.

Я думала. По-настоящему — не для разговора.

— Не знаю ещё, — сказала я.

— Честно.

— Это единственный вариант — с ней говорить честно.

Она всё равно поймёт, если соврёшь.

— Это правда, — согласилась Люда. И немного помолчала. — Тамара.

— Что?

— Ты думаешь о нём? Про дорогу?

Я не спросила — о ком. Мы обе знали, о ком.

— Нет, — сказала я. — Сейчас не думаю.

— Это хорошо?

— Это просто так, — сказала я. — Я смотрю в окно. Там красивые поля.

Люда ничего не ответила. Взяла снова телефон. За окном мелькала природа — необъятная, зелёная, майская, равнодушная к тому, что происходит в голове у пассажиров «Сапсана».

Пять месяцев. Пять месяцев я думала иногда — не постоянно, не тяжело, но думала. Шарф серый. Запах незабудки. То, что он хотел сказать на Монмартре и не сказал. Флакон на подоконнике.

Москва большая. Я не знаю его фамилии. Я не искала. Не искала.

Поезд шёл. Поля сменялись лесами, леса — полями. Россия не заканчивалась.

Я смотрела в окно до самого Петербурга.

Глава 5. Старый отель

Петербург встретил нас ветром.

Не холодным — майским, живым, с запахом воды и чего-то ещё, что бывает только здесь. Москва — это движение, вперёд и некогда. Петербург идёт медленнее, но смотрит строже.

В такси Люда смотрела в окно и молчала. Потом сказала:

— Красиво.

— Правда?

— Не ожидала. То есть ожидала, конечно. Но всё равно.

* * *

Отель был на Рубинштейна — узкая улица, тихая по петербургским меркам. Дом серый, с высокими окнами, медная табличка у входа. Ступени — старые, чуть стёртые посередине — и деревянные перила, тёмные от времени.

Люда остановилась у входа.

— Тамара. Здесь пахнет историей.

— Это хорошо или плохо?

— Пока непонятно. — Она потянула дверь. — Пойдём.

Внутри — небольшой холл, высокие потолки с лепниной, стойка ресепшн, за которой молодой человек в очках читал книгу и поднял взгляд только когда услышал шаги. На стенах — старые карты Петербурга за стеклом. В углу — круглый стол с вазой, в вазе — ветки с белыми цветами, простые.

Пахло деревом и живыми цветами.

Вот сюда.

— Тамара Ивановна? — спросил молодой человек.

— Да.

— Добро пожаловать. — Он поднялся, протянул ключи

— настоящие, не карточки. — У вас два номера на третьем этаже. Лифт работает, но он маленький. Завтраки с восьми до десяти, вот карта района — если нужна. Если что-то понадобится, меня зовут Антон.

Люда взяла карту. Повертела в руках.

— Антон, — сказала она, — здесь написано «книжная лавка», вот здесь. Это что?

— На Фонтанке? Это хорошее место. Там старые книги, открытки, иногда привозят что-то редкое. Хозяйка — Елена Васильевна, она давно держит.

— Далеко?

— Пешком минут десять.

— Спасибо, — сказала Люда и посмотрела на меня.

Я не ответила на её взгляд. Взяла ключ.

* * *

Мой номер был на третьем этаже — небольшой, с одним окном на улицу. Старая мебель: комод с зеркалом, кровать с деревянным изголовьем, стул с гнутыми ножками. На подоконнике — маленькая статуэтка льва, бронзовая, облезшая на ухе. Петербургская деталь.

Я поставила чемодан. Подошла к окну.

Улица Рубинштейна внизу — люди, кафе с открытыми верандами, велосипедисты. Напротив — дом такого же возраста, что и этот: серый, с фигурными карнизами, с тёмными от времени рамами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.